

18+

ВАЛЕРИЙ ТИНИЧЕВ

С жанру по нитке

СБОРНИК

Валерий Тиничев

С жанру по нитке. Сборник

«Издательские решения»

Тиничев В.

С жанру по нитке. Сборник / В. Тиничев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-508689-1

Сборник произведений, написанных в разные годы, малой формы, различных жанров: стихи, рассказы, сказки. Реальные истории, новые сказки, русские народные сказки на новый лад.

ISBN 978-5-00-508689-1

© Тиничев В.
© Издательские решения

Содержание

Стихи	6
«Палящее солнце Кабула»	6
«Бобровая река»	7
Проза	8
Иерей	8
Звёнышко	12
Конец ознакомительного фрагмента.	14

С жанру по нитке Сборник

Валерий Тиничев

© Валерий Тиничев, 2020

ISBN 978-5-0050-8689-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Стихи

«Палящее солнце Кабула»

Всем Шурави посвящается...

Палящее солнце Кабула
Над горною речкой встаёт.
Долина как будто уснула,
Но в небо пошёл вертолёт.

Свистит лопастями «восьмёрка»,
За нею взлетел «крокодил».
Не знает об этом лишь только,
Кто в бой никогда не ходил.

Уходят ребята «на точку»,
Сжимая в руках автомат,
Они вспоминают ту ночь,
Когда провожала их мать.

Нам было тогда восемнадцать,
Живым уже всем за пол-ста.
Не все мы сумели вернуться,
Но были мы там неспроста.

Это мой сон: бесконечно
Он снится мне каждую ночь.
Забыть бы всё это навечно,
Никто тут не сможет помочь...

6 декабря 2018

«Бобровая река»

Течёт «Бобровая река»,
Поля, леса пересекая.
Летят над нею облака,
Свет солнца часто затмевая.

Не потому ли тёмная вода,
Что тучи солнце закрывают?
Нет, свой исток берёт она
В болотах, где торфяник тает.

Старинный дом на три окна
По брёвнышку перевезён когда-то.
В избушке той родился я,
Полвека уж прошло, однако.

А время будто бы не властно
Над старой Маэксой моей,
Стоит она всё так же классно
Над речкой, тёзкою своей.

25.03.2017

Проза

Иерей

Холодная, промозглая осень 1935-го года, север, вдоль берега озера, по «бечевнику», брёл одинокий путник, кутаясь от пронизывающего ветра в тонкое пальто, из-под которого выглядывала церковная одежда. В руках он держал маленький фанерный чемоданчик, куда уместился весь его нехитрый скарб. А что ещё нужно иерею, едва не лишившемуся сана по причине развода?

«Зато Анну с детьми не тронут. Не должны...» – эта мысль постоянно крутилась в его голове.

Путь не близкий, без малого семьдесят километров, другого просто нет. А кто из рыбаков возьмёт на борт своей «двойки» опального священника? Да со всех сторон опального. Колхозу понадобилась его церковь под клуб, потом пытались раскулачить, поскольку дом его новый стоял на горушке и всем глаза мозолил. Понял он, что новые власти в покое не оставят, вот и попросил епископа Тихона развести его с женой. Да и детям фамилию матери дать, а то и их привлечь могут. Мудр он, епископ, не только не отлучил от церкви, но и служить направил, да и игуменья Воскресенского Горицкого монастыря матушка Зосима слово замолвила, благослови её Господи. Церковь Успения Богородицы в Белозерске. Вот только дойти бы... Заночевать можно и у Кустовского настоятеля, его пока не трогают, но это сорок пять километров. С одной стороны бескрайнее Белое озеро, сплошная долина пены и ветра, а с другой – ровная дорога Мариинского канала, глубокая и холодная, как сама Смерть. И узкая полоска бечевника между этими двумя стихиями... Мысли текли плавно и неспешно, как и дорога под ногами.

* * *

По велению отца Пётр поступил в духовное училище в Великом Новгороде. Не то, чтобы он мечтал стать священником, но послушаться батюшку родного невозможно было, так уж воспитан. Хорошее это время: доброе, светлое, полное надежд. Скоро новый век настанет, а там... целая эпоха впереди. И не обязательно вовсе в семинарию потом поступать, можно и в кавалерийское училище пойти, с духовным образованием берут, это точно. Дорога была та же, только на душе всё не так, да и погода пособляла: солнышко припекает, птички поют. Благодарить божия, как и весь мир вокруг.

Но как же не хотелось просиживать за книгами и зубрить, когда вокруг такая красота, а тебе уже пятнадцать лет! И не одному ему, а всем его одноклассникам, оболтусам, как их называл настоятель училища: «одни игрища да грех на уме, а „Закон Божий“ кто, святой Пётр учить станет? Так и останетесь всю жизнь пономарями, олухи царя небесного!» И розг за три года немало отведать довелось, и на горохе псалтырь читать, стоя в углу на коленях, и в келье холодной ночью за бдением проводить.

Ближе к окончанию учёбы даже самым упёртым лодырям стало понятно, что можно и без аттестата училища остаться, со справкой, что, мол, тут обучался. Да ещё и характеристику от отца настоятеля получить нужно. А без таких документов только в пономари и возьмут, да и то где-нибудь в самом захолустье. Налёг отрок Малахайчиков было на учёбу, но учителя помнили всё его прилежание и поведение. Экзамены он сдал успешно, правда, не блестяще, а всего-навсего «посредственно». В списке успеваемости Пётр был едва ли не в самом конце, а характеристика изобиловала словами «своеволен», «непослушен», «нет должного прилежания и почтения к наукам», с таким послужным списком можно было забыть о кавалерийском училище, да и в семинарию не возьмут, остаётся шанс исправиться, если служить там, куда молодого диакона направят и показать там себя с самой лучшей стороны.

Слава Богу, отправили служить не на край света, а поближе к дому. Так и оказался он в помощниках у настоятеля церкви в села Базега, что всего в сорока километрах от родной Ковжи, поселение небольшое, но зато есть дорога на Вытегру.

Настоятель был стар, ему бы на покой уйти, но нет, продолжал служить. Молодой диакон стал и пономарём, и звонарём, и привратником. Жил тут же, в небольшом флигеле.

Минул год, Петру исполнилось уже девятнадцать. Всё чаще батя и настоятель заводили разговоры о женитьбе, мол, пора бы и остепениться, приход хоть и не богатый, но мужики все в лесу работают, дом справить помогут, да и женатому диакону и епархия поможет. Тем более, что и невеста есть. Во время нечастых поездок домой, в Ковжу, познакомился молодой священник со славной девушкой Анной, дочерью Матвея Захарова. Все вокруг говорили: хорошая пара выйдет, да и родители невесты не прочь породниться с диаконом. К осени свадьбу и сыграли. А через год отошёл в мир иной отец-настоятель, приход остался на попечении диакона. Из губернии вскоре пришла весть, что отныне Пётр становится иереем и теперь он настоятель. Обещали и с избой помочь. Вот только с ребёночком никак не получалось, не заживались, умирали. Трое. Оставалось только молиться и просить Господа.

* * *

На дворе стоял двадцатый век, с которым наивный юноша, шагавший в конце девятнадцатого к новой жизни по бечевнику, связывал свои надежды, но реальность оказалась не столь радужной. Смутные времена наступали. Новое слово «революция» витало в атмосфере, демонстрации, расстрелы, стачки, да ещё и указы о веротерпимости. Неслыханно, чтобы сектантов равными признавать! Но это происходило в столице, а здесь другое неладное творилось. Видимо, идеи вольнодумства проникли и в Ковжу. На сходе народ решил и изгнал настоятеля церкви Спаса. За прелюбодеяния. Ну да, ходили такие слухи о поведении священника, но решать что-то подобное во власти епископа, когда прихожане челобитную подают, а тут сами решили и изгнали.

Вот тут и пришло предписание епископа Белозерского срочно перебираться в Ковжу и возглавить приход. В такое смутное время паству нельзя оставлять, а кого-то другого отправлять опасно, народ горячится, чужака может и не принять, а своего, ковжского, да ещё и с семьёй, примут.

Пока обустривались на новом месте, с прихожанами отношения налаживали, хоть и свой, а в памяти прелюбодей всё ещё, игуменья Воскресенского Горицкого монастыря матушка Зосима прислала бесценный подарок, который и успокоил паству окончательно. Большой мешок соли. Продукт этот среди ковжских рыбаков очень ценился. Как летняя путина пойдёт, рыбу выловленную надо в Белозерск на рынок отвозить, а на парусах путь не близкий, это если шторма нет, а то и на телегах по бечевнику. Улов, чтобы свежим привезти, солить надо, а где столько соли взять? А тут богатство целое, целых восемь пудов. Мужики долго не рядились, через пару дней застучали топоры на взгорке, как раз напротив церкви. Так иерей Пётр вернулся на родину и обрёл собственный новый дом.

* * *

Я сижу на остатках церковной стены посреди озера на маленьком кусочке земли и слушаю отца.

– Вот там стояли дома, – он проводит рукой над гладью озера, – сейчас тут «резцы» ставят, три метра воды.

– А тут, – батя вздрогнул, услышав громкую музыку, мимо проходил теплоход «Александр Пушкин», – как раз под кораблём, дом Саши Бузина и стоял, к нему ещё Орлов приезжал, стихи писал.

– А наш где был? – спрашиваю я.

– Так вот, прямо перед *церквой* и стоял. Только это его дом был, попа. А мы ниже жили. Бабушка твоя с детьми к его жене в тот дом и переехали после пожара. Они жили одни, без

мужика, на фронте все взрослые были, а тут попросился солдатик заночевать, на сеновал и пустили, а он сигарку закурил, дом и спалил. А потом уж его, поповский дом, перевезли за озеро, я тогда в армии служил. Мужиков-то и не было, бабы одни. Так и перевозили, всё по брёвнышку... бабы.

– Да... – я задал мучивший меня вопрос, – а почему он развёлся и ушёл, приход бросил?

– Так время такое было. Мне-то тогда едва четыре года исполнилось. Не понимал я всего. Помню, что клуб там хотели сделать, в церкви. А молодёжь не пошла, помнили его, Петра-то. Тогда в алтаре ледник устроили, рыбу хранить надумали. А, видать, бог есть, гнила она там, да ещё хуже, чем на солнце. Негоже так, да кто в те времена думал-то? А в войну – я уже пастухом был: как дед мой, Никишка тоже по дощечке барабанил и коров созывал – тут, – отец показал на алтарную часть церкви, – два дизельных генератора поставили, чтобы электричество вырабатывать, да ты и сам видишь, вон они до сих пор стоят, ржавеют. А зачем? Свет в избы так и не провели, говорили, война, мол, не до того. В пятьдесят четвёртом всё и затопили. Волго-балт пустили. Так мы в Маэксу и переехали.

– А вот скажи, папа, – спросил я, – и ты и мама коммунистами были, оба в партии, а почему же тогда иконы в нашем доме висели? Нельзя же.

– Конечно, нельзя. Приходили к нам в дом из сельсовета, мама твоя председателем работала. Так я тогда ещё сказал им: «Не тобой вешаны, не тобой и сняты будут». Бабушку Лену все уважали, а мы в первую очередь, эти иконы от отца достались ей, вот из этой самой церкви.

* * *

Из села Кустово до Белозерска всего двадцать километров, по бечевнику. А вот примут ли в доме? Страшно им, это и понятно, попа дома привечать. Приняли Родионовы, спаси их Господь. Комната была маленькая, тесная даже, но ничего другого и не надо, хозяйева не богато жили: деревянный дом на три окна, две печки, скотину держали.

А дальше всё пошло, как в тумане: заутрениа, обедня, вечерня, всенощная... Прихожан не много, старики да старухи, молодёжь новая власть от церкви отучает, так что даже крестин и отпеваний мало, боится народ, а венчаний и вовсе нет. Вот только зачем дочка Лена привезла внучку? Понятно, зубки у неё болят, так всё равно жалко Оленьку, да и Валюшка, младшенький, учится, ему жить и жить, а ведь упрямый, не стал фамилию менять. Как бы не вышли на них, не заподозрили ли в чём родителей, чай тридцать пятый...

* * *

– Да не много я и помню, – крестная Оля на минуту задумалась, вспоминая, – мне и семи не исполнилось, мама повезла в Белозерск, зубной врач только там и был, а родни никого, кроме дедушки. Комнатка маленькая, кровать да стол. Мы с мамой на кровати спали, а он так и не прилёг, с лампой ночь просидел возле стола и ушёл, когда я ещё не проснулась, больше я его и не видела. Утром от врача бегом на пристань, чтобы успеть к рыбакам ковжским на «двойку».

– А бабушка Анна? Я помню её, она же отцу Петру жена была.

– А как ты можешь помнить? Тебе тогда только три годика было. Она с тобой нянчилась с пяти месяцев, тогда же отпуска не давали по беременности и родам, вот Зоя и вышла на работу. А бабушка тебя носила голенького под мышкой, попой вперёд. В тот день она передала тебя бабушке Лене, а сама во двор спускаться стала, упала с крутой лестницы, ногу сломала, больше и не вставала. А как жила она? Да так, как могла. Когда отец Пётр ушёл, дети-то уже взрослые были, семьи у всех, кроме Валентина, тот в Белозерске учился, на педагогическом. О нём-то и переживали больше всего, как бы не отчислили, раз отца репрессировали. А дядя Валя упорным оказался, фамилию менять отказался, доучился он, под Выборгом пропал без вести в войну. Строгая она была, попадья. Помню, как закричит на внучку, маму твою: «Зойка, куда глядишь, безалаберная! Матка из озера скоро вернётся, а изба не метена!» А крапивой всех нас, внуков, хлестала, спуску не давала. Вот, помню ещё. Мне четырнадцать

как раз исполнилось, в сорок третьем, до пожара ещё. Бабушка Анна, я да Лёня, он-то совсем маленький был, поехали в озеро, тресту жать, тогда ведь для своих коров нельзя косить было, земли все вокруг колхозные, вот и нашли мы тресту в озере. Обрато едем, а тут вдруг торох налетел, это ветер сильный с волной. Анна-то и говорит Лёне: «куда глядел-то, тороха не видел, полоротый?» Вот только помню, что я с ней прыгнула в озеро, мне по шею было, лодку держали, а то точно бы в озеро унесло, а там шестьдесят километров до другого берега. Лодку вытащили, а бабушка тогда сказала: «Не иначе, Пётр Васильевич заступился».

* * *

Полтора года пролетели, как один день. Двадцать второго августа пришли прямо в храм Успения Богородицы, даже службу не дали дослужить... «Вы арестованы за антисоветскую пропаганду и участие в группировке Федотовского с целью подрыва основ советской власти». А дальше: допросы, обвинения, как участника опасной группировки вывезли в Ленинград, где арестованных заключили во Внутреннюю тюрьму УНКВД по Ленинградской области, Шпалерная, 25, откуда увезли в Левашовскую пустошь и там расстреляли 9 октября 1937 года...

2015.

Звёнышко

Всем труженикам тыла посвящается.

В детстве, ещё до школы, я всё время проводил с бабушкой, родителям было некогда, а потом все каникулы. Все вокруг, я имею ввиду старшее поколение, безумно любили рыбу. В тех краях нас так и называли: «ковжские рыбоеды», хотя жили мы в селе Маэкса. Колхоз «Советский Рыбак», как понятно из самого названия, занимался ловлей рыбы в Белом озере, что на севере Вологодской области, так что этого продукта было вдоволь. Бабушка часто готовила и постоянно мне приговаривала:

– Съешь ещё-то звёнышко.

– Баба Лена, а что значит «звёнышко»? – Спрашивал я, – это как пионерское звено, только маленькое?

– Да, милый, считай, что так.

Только повзрослев достаточно, я понял суть этого слова, вот что бабушка мне рассказала.

* * *

В войну это было. Мужиков, почитай, всех забрали на фронт, весь колхоз на наши плечи бабские лёг, а нормы вылова подняли в три раза. А что делать? Война не тётка... Жили мы в ту пору в Ковже, полей своих у колхоза не было, только огороды, а там даже картошку не садили, каждый год, до войны ещё, на ильин день ездили в Кьянду картошку пробовать. А тут она, проклятая.

Лодки у нас были деревянные, под парусом ходили, по двое. Так и величали лодки: «двойки», а команду – звеном. Вот. Как причалимся, приёмщица весь улов до последнего ёршика посчитает да заберёт, а рыбакам, если норму выполнили, выдаст кусок рыбы. Небольшой, вот такой, как у тебя на тарелке. Эту долю и называли «звёнышком», на звено, значит. А у нас семьи, кормить деток-то надо. На таком пайке не зажируешь, детям-то малым не полагалось. У меня самой трое, да у напарницы пятеро. Ну, хоть совсем с голоду не пухли. Хлеба-то с самого начала войны не видали, полей нет колхозных, а в Мегре всё подчистую забирали, самим, считай, не хватало. Всё для фронта, всё для победы.

Бабушка кончиком платка вытерла слезу, она всегда плакала, когда вспоминала те годы.

Ольга и Зоя, старшие дочери, работали на заготовке рыбы – солили и грузили в баржи, на хозяйстве оставался младшенький, Лёнюшка, а ему в ту пору и восьми не исполнилось. Я пол-звёнышка принесу, да девки, у тех поменьше доля была. Вот вся еда. Летом полегче было, огород пособлял, да Лёнюшка из лесу что-нибудь принесёт. Грибы да ягоды. А по вечерам все вместе ходили «двойку» нашу мыть, так вот, всё собирали из-под мостков до последней чешуйки и домой несли. Чешую варили мы и ели. Соль, вода да запах рыбный, летом ещё мох добавляли, для густоты. Первую зиму уж не знаю, как и протянули, надежда в нас жила, что война вот-вот кончится, прогонят мужики наши супостата и опять заживём.

А к осени сорок второго к нам в Ковжу привезли беженцев из Питера (бабушка всегда говорила – Питер, Ленинградом никогда не называла). И своих-то кормить нечем, а тут ещё и нахлебников поселили. Да грех жаловаться, тётя Дуся с тремя детишками у нас поселилась, изба-то не большая, но места всем хватило. Дочка Лена да Васька с Колькой маленькие, Колька только на год постарше Лёнюшки, этим только огород да лес. Дуся в колхозе работать стала, тоже пол-звёнышка приносила, не каждый день, как и мы. А через два месяца, аккуратно лёд стал, из Мегры приехало начальство и приказ нам прочитали: эвакуированным из Ленинграда полагается по кусочку хлеба ежедневно. Вот уж мы обрадовались! Какое-никакое, а подспорье. Принесла, значит, Дуся первую пайку. На день получалось на четверых скупка одна в палец

толщиной. А мы на шестерых делили, детям всё, а сами с ней крошки со стола сметали, да в рот отправляли.

А на будущий год, это уже в сорок третьем, беда пришла, откуда не ждали. Солдатик с фронта шёл, заночевать напросился. В избе места нету, так мы его на сарай пустили, летом было, жара да сушь, не замёрзнет. А он возьми, да и закури сигарку. Еле спаслись мы, изба дотла сгорела, и солдат сгинул в огне. Кого винить? Не знаю. Пошли мы погорельцами к маме моей, бабушке Анне, помнишь её. Одна жила, да двое на постое. Не сильно её жаловали тогда, она же из репрессированных, тогда говорили – жена врага народа. А куда деваться. Вот и пришли к ней ещё восемь ртов. Вот в этот самый дом, это уже в пятьдесят третьем сюда перевезли, когда Волго-Балт строили и Ковжу затопили. А к осени и муж мой пропал без вести... Вот так, Валерушка, и жили мы тогда: от звёнышка да до звёнышка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.